

11. Unterredung des Reichsministers des Auswärtigen mit dem Polnischen Botschafter, 21. März 1939 // Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Weißbuch Nr. 2. – 1995. – S. 187–189.

12. Rede des Britischen Premierministers Chamberlain im Unterhaus, 19. Mai, 1939 // Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Weißbuch Nr. 2. – 1995. – S. 291–293.

13. Rede des Führers vor dem Deutschen Reichstag, 28. April 1939 // Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Weißbuch Nr. 2. – 1995. – S. 284–286.

14. Von einem Beamten der Politischen Abteilung des Auswärtigen Amts gefertigte Zusammenstellung der dem Auswärtigen Amt vorliegenden amtlichen Meldungen über schwere Grenzzwischenfälle an der deutsch-polnischen Grenze zwischen dem 25. und dem 31. August 1939 // Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Weißbuch Nr. 2. – 1995. – S. 438–444.

15. Prazmowska, A. Britain, Poland and the Eastern Front / A. Prazmowska. – Cambridge : University Press, 1987. – 231 p.

16. Britkh-Polnischer Vertrag über gegenseitigen Beistand, 25. August 1939 // Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Weißbuch Nr. 2. – 1995. – S. 420–421.

УДК 94:316.647.8(=161.3):316.647.8(=162.1)«1939-1941»

А. М. Кротов

Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины, г. Гомель

БЕЛОРУСЫ И ПОЛЯКИ В ВОСПРИЯТИИ ДРУГ ДРУГА В СЕНТЯБРЕ 1939 – ИЮНЕ 1941 ГОДА

В статье рассматриваются особенности восприятия белорусами и поляками друг друга в сентябре 1939 – июне 1941 г. и доказывается, что оно имело крайне негативный характер, свидетельствующий о том, что белорусско-польские межнациональные отношения находились в состоянии конфликта. Он был обусловлен воссоединением Западной Беларуси с БССР и мероприятиями, проводимыми советской властью на освобождённых территориях. Делается вывод, что такое восприятие не могло способствовать решению задач, связанных с организацией борьбы населения Западной Беларуси с общим врагом – немецко-фашистскими захватчиками – после нападения Германии на СССР.

17 сентября 1939 г. по радио прозвучала речь Председателя СНК СССР В. М. Молотова, в которой говорилось о том, что события, вызванные польско-германской войной, показали внутреннюю несостоятельность и явную недееспособность польского государства, о банкротстве правящих кругов Польши: «Население Польши брошено его незадачливыми руководителями на произвол судьбы. Польское государство и его правительство фактически перестали существовать» [1]. Заявлялось о прекращении действия договоров, заключённых между Советским Союзом и Польшей: «Польша стала удобным полем для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. В силу этого Советское правительство, оставшееся ранее нейтральным, не может далее сохранять свой нейтралитет, ибо создавшаяся ситуация вынуждает предпринимать меры, касающиеся безопасности СССР» [1].

Заявляя о начале освободительного похода Красной Армии, Молотов назвал его причины, цель и задачи: «От Советского правительства нельзя также требовать безразличного отношения к судьбе единокровных украинцев и белорусов, проживающих в Польше и раньше находившихся на положении бесправных наций, а теперь и вовсе брошенных на волю случая. Советское правительство считает своей священной обязанностью подать руку помощи своим братьям-украинцам и братьям-белорусам, населяющим Польшу. Ввиду всего этого правительство СССР вручило сегодня утром ноту польскому послу в Москве, в которой заявило, что Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии. Советское правительство заявило также в этой ноте, что одновременно оно намерено принять все меры к тому, чтобы вызволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями и дать ему возможность зажить мирной жизнью» [1].

В советской, а также современных белорусской и российской историографии, оценка этих событий в корне отличалась и отличается от того, как они трактуются и оцениваются польскими историками.

Представляется очевидным, что белорусских историков менее всего должно интересовать мнение их польских коллег по поводу освободительного похода Красной Армии и воссоединения Беларуси и белорусского народа. Главной причиной этого является тот бесспорный факт, что в польские политические стратегии в межвоенный период не входила поддержка деятельности белорусов по созданию ими

собственного независимого государства. Польские власти никогда не рассматривали вопрос о предоставлении Западной Беларуси, доставшейся Польше по результатам Рижского мира, независимости или хотя бы политической автономии. Белорусское государство возникло и развивалось вопреки интересам Польши и её правящих кругов. Притом на территориях, которые поляки традиционно считали и продолжают считать «своими». Сложно предположить, что польские историки вдруг прозреют и попытаются руководствоваться в своих интерпретациях фактов истории и исторического процесса в целом не национальными стереотипами и сложившимися в польской историографии традициями, а логикой, научной объективностью и просто здравым смыслом.

Раздел Беларуси в 1921 г., который прошёл без участия самих белорусов, полное игнорирование интересов белорусского народа, подавление польскими властями всякого стремления белорусов, ставших гражданами Польши, сохранить своё национальное лицо, а также политика, направленная на их полонизацию, обеспечили негативное отношение белорусов к Польше и полякам и в Западной Беларуси, и в БССР.

Жёсткое подавление белорусского национального движения польскими властями в Западной Беларуси привело к тому, что именно БССР стала единственно существующей, успешно реализующей себя формой государственного строительства белорусов, обеспечивающей им широкие возможности самореализации в общественной жизни, науке и образовании, культуре. Советская идеология и пропаганда многое сделали для того, чтобы создать и укоренить в сознании масс образ враждебного белорусам польского государства, слепо служившего интересам мирового империализма, и польского народа, отравленного ядом шовинизма и ксенофобии.

Что же касается оценки действий СССР в сентябре 1939 г. белорусской стороной – ни в советское, ни в постсоветское время никто не сомневался, что освободительный поход Красной Армии имел судьбоносное значение для белорусского народа, позволив воссоединить его в границах своих национальных территорий и расширить тем самым его возможности в деле дальнейшего строительства своего национального и государственного будущего.

Гибель Польской республики в сентябре 1939 г., воспринятая поляками как национальная трагедия, вызвала у белорусов совсем иные чувства. За межвоенный период для своих граждан-белорусов она не стала государством, которое те считали бы своим. Как не стали своими польские осадники, появившиеся на западных землях Беларуси после

её раздела. Одной из задач, которые последние должны были выполнять, была консолидация этнических поляков – потомков мигрантов прежних волн колонизации белорусских земель, к тому времени уже в значительной степени подвергнувшихся ассимилирующему воздействию белорусской среды, и содействие их полному возвращению в «лоно польскости». Тем самым в Западной Беларуси должен был сформироваться контингент этнических поляков, численно достаточный для их господства на данной территории и полной её интеграции в состав Польши.

Ещё 18 октября 1920 г. Ю. Пилсудский объявил о планах колонизации: «Я уже предложил правительству, чтобы часть приобретённой земли стала собственностью тех, кто её сделал польской, обновив её польской кровью и тяжким трудом. Эта земля, засеянная кровавым семенем войны, ждёт мирного посева, ждёт тех, кто заменит меч на плуг и хотел бы в этой будущей работе одержать столько же мирных побед, сколько у нас было на поле битвы» [2, с. 17].

Польское государство всячески стимулировало процесс колонизации белорусских земель. В итоге в 1921–1939 гг. из Польши в Западную Беларусь переселились около 300 тысяч осадников, а также разных категорий чиновников и рабочих [3, с. 22]. По данным польского историка Михала Брновицкого переселенцев было как минимум 320 тысяч человек [4].

Сразу же после аннексии в Западной Беларуси начала проводиться политика сплошной полонизации. Несмотря на то, что в Версальском (статья 93 Приложения) [5, с. 45–46], Рижском (статья 7) [6] договорах и в конституции Польской республики (статьи 109–110) [7] за белорусами в составе Польши признавалось право на самостоятельное политическое, культурное и экономическое развитие, уже в марте 1923 г. из 400 существовавших на аннексированных территориях в 1921 г. белорусских школ остались только 37. В 1938–1939 учебном году там насчитывалось 5 общеобразовательных польско-белорусских школ, 44 школы с белорусским языком, как одним из предметов, и 1 гимназия. Та же участь постигла белорусские учреждения культуры и общественные организации [3, с. 22–23].

Ни о какой общественно-политической деятельности белорусов, если она не соответствовала интересам Польского государства, не могло быть и речи. Апогеем репрессивной деятельности польских властей стало создание в 1934 г. в небольшом городке Береза-Картузская одного из самых жутких концлагерей за всю историю XX в., где всё служило, как пишет О. Лицкевич, одной цели: «В крат-

чайшие сроки сломить человека физически и психологически, раздавить его индивидуальность, превратить в бессловесное быдло, даже не помышляющее о политической борьбе» [8, с. 78].

Польские историки признают, что западные белорусы позитивно отнеслись к ликвидации польского государства и воссоединению Беларуси. Даже большинство ведущих деятелей белорусского «незалежницького» движения, центром сосредоточения которых был Вильно, после занятия города Красной Армией высказались за сотрудничество с советской властью. В немалой степени их вдохновляли успехи белорусского национального культурного строительства в БССР. После того, как непосильный груз польского гнёта и национальных ограничений был сброшен, они рассчитывали включиться в работу по восстановлению того, что пришло в упадок за годы пребывания Западной Беларуси в составе Польши или было сознательно уничтожено польскими властями. Им казалось, что именно они возьмутся за возрождение загнанной поляками в подполье белорусской культуры, искусства, языка [9, с. 8]. Однако, как показало дальнейшее развитие событий, надежды эти оказались тщетными. Партийное руководство и советская власть делали ставку на собственные кадры, в лояльности которых не было сомнений.

Что же касается настроений белорусского обывателя, освобождение Западной Беларуси от власти Польши воспринималось им весьма позитивно. Газета «Правда» писала: «Жители оказывают всяческие услуги частям Красной Армии <...> Можно привести десятки случаев, когда население спешно исправляло мосты и дороги, чтобы дать возможность нашим частям продвигаться вперёд» [10].

Организовывалась рабочая гвардия. В частности, в Столбцах она взяла под охрану общественные здания, электростанцию, мосты [11]. В те же дни в Вильно, например, местные крестьяне сообщили командиру подразделения Красной Армии, что в селении Новые Виленки скрывается польский эскадрон: «Тотчас же туда были отправлены 30 бойцов в сопровождении крестьян и танки. В густом лиственном лесу было взято в плен 92 польских кавалериста, среди которых было 7 офицеров» [12].

Зачастую ещё до прихода подразделений Красной Армии местные жители на практике начинали осуществлять социальную справедливость так, как она ими понималась. В Западной Беларуси началась борьба с польским элементом. Местные белорусы сводили с ним счёты. В первую очередь это касалось польских землевладельцев, государственных служащих, полицейских и военных.

В то же время население Советской Беларуси находилось как бы в стороне, в роли наблюдателей военной акции, направленной на объединение белорусских земель под эгидой БССР и на наказание поляков. В том, что они давно заслужили это наказание, почти никто не сомневался – усилия большевистской пропаганды по созданию образа врага – «наймита мирового империализма», смыслом существования которого было уничтожение советской власти и СССР, достигли своей цели.

Необходимо отметить, что поляки действительно не были лояльным к советской системе элементом. В частности, даже бывший польский разведчик, майор Влодзимеж Домбровский, признавал, что в 1925–1929 гг. по приказу шефа отдела разведки (2-й отдел Генерального штаба Войска Польского), во многих городах Беларуси создавались диверсионные ячейки, и опирались они в своей деятельности исключительно на польский элемент. Домбровский также свидетельствовал, что большинство командиров таких ячеек прошло в Польше диверсионную подготовку [13].

Выражение поляками в БССР (как и в СССР в целом) национальной солидарности и патриотизма должно было восприниматься и воспринималось советским человеком как националистический, фашистский манифест, как проявление национальной вражды и антисоветизма. А на врага надо было смотреть через «прорезь прицела» [14, с. 136]. Потому неудивительно, что после польско-советской войны многие из белорусских поляков стремились скрыть свою национальность. Сделать это было несложно, т. к. поляки в Беларуси были серьёзно затронуты процессом ассимиляции и во многих случаях по внешним признакам уже никак не отличались от белорусов, в окружении которых жили [14, с. 138].

Что касается поляков Западной Беларуси, столкновение с новой реальностью стало для них шоком. Сказывались на этом разница в образе жизни в довоенной Польше и в БССР, национальные стереотипы поляков, основанные на национальных и политико-идеологических предрассудках, их национальный характер. Кроме того, они находились под эмоциональным воздействием тех антипольских акций, которые происходили в сентябре 1939 г. во время вступления в Западную Беларусь подразделений Красной Армии. Чаще всего они осуществлялись руками местных белорусов, которые стихийно объединялись в партизанские отряды. Их исполнителей советская власть не только не сдерживала, но и неоднократно поощряла тем, что привлекала на службу в создаваемые местные органы власти или в

милицию. Это возбуждало у поляков чувство обиды и желание отомстить [9, s. 7].

То, что поляки воспринимали как национальную катастрофу, белорусы считали восстановлением исторической справедливости. На этой почве имели место эксцессы. Как эксцесс поляками воспринималось всякое поведение белорусов, выходящее за рамки установленных для них правил. Но в изменившейся политической реальности эти рамки исчезли, и накопившаяся у белорусов за годы польского господства неприязнь к полякам стала выплёскиваться наружу.

Советские военные власти пытались сдерживать погромные настроения в среде местного населения, но это не всегда получалось. Нередкими были случаи, когда дела доходили до суда и даже выносились суровые приговоры. Тем не менее, несмотря на стремление новой власти руководствоваться законом и желание казаться справедливой в глазах населения Западной Беларуси (в том числе и поляков), само её появление здесь большинством поляков воспринималось как вызов.

Ещё больше проблем возникло в процессе перестройки жизни в Западной Беларуси на советский лад. Поляки чрезвычайно болезненно воспринимали всякое посягательство на свою собственность. Особенно учитывая тот факт, что именно желанием её получить они руководствовались, переселяясь в Западную Беларусь. К тому же на первых порах в реализации установок советской власти, направленных на борьбу с частнособственническим элементом, в деревнях нередко имели место перегибы. Зачастую они были мотивированы неприязнью, которую испытывали крестьяне-белорусы к местным полякам, особенно к осадникам.

В частности, начальник Слонимского УО НКВД лейтенант госбезопасности Толмачёв докладывал секретарю обкома КП(б)Б по Барановичской области Туру о грубых нарушениях и искажении политики партии и правительства по работе в деревне, прежде всего – искажении директивы о национализации земли и имущества помещиков: «Результатом этого в ряде волостей Слонимского уезда, как-то: Костровичской, Девятковской, Деречинской, Чимерской, Жировичской и Куриловичской волостей местные временные волостные сельские комитеты допустили своими действиями раскулачивание середняков, а именно: Мижевическая волость, деревня Клепачи. <...> В результате было раскулачено 6 человек середняков. У них были изъяты земля, скот и всё имущество, включая всё до домашней птицы. При этом изъятые поросята, овцы и куры были немедленно розданы населению и на другой день были порезаны и приготовлены в пищу» [15, с. 167].

Далее сообщалось, что в Костровичской волости также были случаи раскулачивания середняков. Особо был упомянут один из них, произошедший в д. Елка: «Жена военного осадника (фамилия её не установлена) заявила: «У нас всё забирают: коров, коней, зеркала, часы, подушки, перины, одежду, ну словом, всё, что попадётся на глаза. Вот я теперь ничего не имею и просила, чтобы мне выдали что-нибудь. Но мне ничего не дали, потому что я полька. <...> Красные части так не делали, а наши местные власти берут всё, что попадает на глаза. <...> Это для армии не нужно, и всё это делают местные власти, и если будет смена власти, то каждая женщина нож вобьёт в сердце, и я сделаю это. Если ко мне придут, чтобы ещё что-нибудь взять, то я топором убью» [15, с. 167].

Нарушения законности имели место также в Девятковской волости. В частности, в местечке Девятковщина в процессе изъятия имущества, в том числе и середняков, были случаи кражи карманных часов, женского белья и так далее. В Деречинской волости изымалось личное имущество середняков, вещи домашнего обихода и скот, которые раздавались населению без всякого учёта. В Чимерской волости со стороны сельских комитетов были случаи изъятия скота и имущества у середняков на личной почве, что было сделано в четырёх хозяйствах. Руководивший изъятием председатель деревенского комитета взял в своё личное пользование 2 овцы и 2 овцы передал своему секретарю» [15, с. 167–168].

Польский историк Марек Вербицкий считает, что в результате подобного рода экспроприаций среди польской общественности Западной Беларуси росли настроения неприязненности и даже враждебности в отношении белорусов, в той или иной степени воспользовавшихся конфискованным у поляков имуществом [9, s. 6].

Обобщая свой анализ состояния польско-белорусских отношений, он называет следующие причины, негативно повлиявшие на восприятие поляками белорусов:

- 1) с приходом советской власти поляки утратили доминирующие позиции среди национальных групп, населяющих северо-восточные земли предвоенной Польши;
- 2) поляки стали ущемляемым меньшинством;
- 3) белорусы же получили – хоть часто и номинально – статус «хозяев», то есть. национальности, доминирующей на территории Западной Беларуси, и, во мнении польского её населения, также ряд привилегий от советской власти [9, s. 6].

Об отношении поляков к белорусам говорит показательный, как считает М. Вержбицкий, факт, имевший место в деревне Ракитно

(близ Бяла-Подляски). Несколько недель деревня находилась под контролем подразделений Красной Армии. Советские военные власти наводили «революционные порядки» при участии гражданской милиции, составленной из местных белорусов. Однако после разграничений пограничных территории между СССР и Германией подразделения Красной Армии уступили место германским частям. Оставшиеся здесь для подпольной работы агенты докладывали командованию пограничного отряда НКВД, что вместе с немцами в Ракитно вернулись представители старой польской администрации, а также полицейские. Один из полицейских (поляк) выдал немцам всех тех, кто во время пребывания в деревне красноармейцев находился в рядах милиции [9, с. 8].

После освобождения Западной Беларуси и включения её в состав БССР ликвидировались все польские административные структуры, все институты польского государства. Польский язык утратил свой прежний статус. Какие настроения охватывали поляков, которые теснейшим образом отождествляли себя с польским государством, можно догадаться без труда. Их озлобление усиливалось подчёркнуто покровительственным отношением к белорусам на нижних уровнях советской администрации.

Процент белорусов, а также евреев и русских на административных должностях увеличивался. Поляков же вытесняли из государственных учреждений. Однако это не означало, что их вообще не брали на работу в органы советской власти. Осенью 1940 г. ЦК КП(б)Б постановил притормозить наплыв кадров из Восточной Беларуси и других территорий СССР и делать упор на местные кадры [16]. В результате в Белостокском округе было принято на должности руководителей нижнего звена 18060 человек (в том числе поляков – 10245, белорусов – 4451, евреев – 2833, русских – 392, представителей других национальностей – 145 человек) [17, с. 177]. Показательный факт, но всё же являвшийся исключением. В сельской местности положение поляков было значительно сложнее. Советские власти широко замещали там поляков, работавших на административных должностях до 17 сентября 1939 г., новыми кадрами из числа белорусов.

В письме ЦК КП(б)Б от 21 октября 1940 г. «О недостатках в работе партийных и советских органов в западных областях Белоруссии» констатировалось: «Наряду с большой работой, которую провели партийные организации по очищению аппарата и которую ещё следует продолжать, имеют место многочисленные случаи совершенно неосновательного отстранения трудящихся поляков от ра-

боты и общественной деятельности, которую они несли в низовых советских органах, на предприятиях, в учреждениях. Например, в ряде случаев хорошо работавших и любящих своё дело агрономов-поляков в Граевском, Ломжинском, Крынковском, Заблудовском, Гродненском, Брянском и других районах Белостокской области заменили присланными из восточных областей. Из 70 местных агрономов в Белостокской области на работе оставлены всего лишь 19 человек» [18, с. 163]. Обращалось внимание на тот факт, что «в Молодечненском и в ряде других районов Вилейской области некоторых председателей сельсоветов, выдвинутых на месте, вполне доказавших свою преданность и работоспособность, сместили и заменили приехавшими комсомольцами под предлогом, что эти комсомольцы лучше знают советские порядки» [18, с. 164]. Говорилось о действиях некоторых советских и партийных руководителей, сводящихся к ограничению прав польского населения на пользование родным языком, и о нежелании этих руководителей изучать польский язык: «В некоторых случаях от докладчиков, собирающихся сделать доклад на польском языке, требуют, чтобы они делали доклад на русском языке, так как в противном случае, дескать, нельзя обеспечить контроль. Многие партийные и советские руководители, работающие в районах с преобладающим польским населением, не изучают польский язык, не разговаривают с населением на их родном языке» [18, с. 162–163].

В письме также констатировалось, что некоторые из руководителей склонны выражать огульное недоверие ко всем полякам и готовы всех зачислить в разряд врагов советской власти и делался следующий вывод: «Совершенно очевидно, что подобное отношение к польскому населению неправильно, вредно и должно быть строго осуждено. Такое отношение, помимо всего, облегчает контрреволюционным, националистическим, клерикальным элементам вести их подрывную работу против советской власти, создаёт благоприятные условия для поддержания всякого рода националистических настроений, облегчает им возможность завлекать в свои сети некоторую часть польского населения, которая при правильном проведении политической линии никогда бы не пошла к ним» [18, с. 163].

Аналогичная ситуация сложилась и в системе просвещения. С целью корректировки кадровой политики в октябре 1940 г. ЦК КП(б)Б принял постановление «Об упорядочении дела подбора и посылки работников в западные области БССР». В постановлении подчеркивалось, что Наркомпрос направил учителей в западные области без учёта действительной потребности и национального состава

ва школ. Практика общего недоверия к местным специалистам была признана вредной [16].

В письме ЦК КП(б)Б «О недостатках в работе партийных и государственных органов в западных областях БССР» обращалось внимание на самую актуальную и для населения, и для властей тему народного просвещения. В частности, говорилось: «В некоторых районах Белостокской области (Сопоткинский, Моньковский, Августовский районы) имели место факты принудительной переорганизации школ с польской детворой в русские и белорусские школы. Во многих польских школах учителей-поляков заменили русскими и белорусскими преподавателями, в результате учащиеся и преподаватели не понимают друг друга. Перестраивая школу, партийные организации много сделали для того, чтобы очистить учительский состав школ, в частности польских, от националистических, контрреволюционных элементов. Однако при этом в некоторых районах стали проявлять огульное недоверие и увольнять большинство поляков-учителей из школ, хотя к этому не было оснований. Очищая школы от враждебных элементов, партийные организации обязаны были отличить врагов от честных и преданных людей и не допускать огульного подхода и необоснованного увольнения с преподавательской работы людей, ничем себя не скомпрометировавших и искренне стремящихся работать на благо родины» [18, с. 162–163].

Однако высшее партийное руководство, как показала практика, исходя из марксистско-ленинского понимания логики решения подобного рода проблем, недооценивало силу польского этноцентризма и польского упорства. Отношение поляков Западной Беларуси к переходу на белорусский язык обучения весьма показательно показывает реляция польской учительницы из Ошмянского района: «Ко мне, как и к другим коллегам, пришла делегация с заявлением о своей позиции: “Знаем, что пани или пан не научит наших детей ничему плохому, не будет учить на белорусском и не снимет крест со стены”. Это было очень убедительно, и я начала работать по-новому, в старом духе и старой верой, на польском языке, по старым учебникам» [9, с. 26].

Особенно сильный отпор белорусизации и русификации школьного обучения продемонстрировали ученики польских гимназий, составившие наиболее непримиримый к советской власти, националистически настроенный элемент. В Несвижской гимназии, например, в декабре 1939 г. училось 700 учеников, из которых 70 % составляли поляки. Из 27 учителей поляками являлись 24. Дирекция и учителя

делали всё для того, чтобы сохранить польский характер гимназии. Ученики-поляки бойкотировали учеников-белорусов и евреев [9, s. 26–27].

Весьма болезненно польское население Западной Беларуси воспринимало ограничение советской властью до минимума выпуска польскоязычных периодических изданий, особенно в Белостокской области [9, s. 20]. Хотя ситуацию совсем уж плачевной назвать было трудно: в 1939–1941 гг. там выходило 6 польскоязычных изданий (1 областная газета «Свободный труд» (из общего её тиража в 25 000 экз. 5000 экз. печаталось на польском языке под названием «Wołna Praca») [19] и 5 наименований районных изданий), из них 1 газета издавалась исключительно на польском языке. С октября 1940 г. по 21 июня 1941 г. в Минске на республиканском уровне издавалась на польском языке газета «Sztandar Wolności» (объём на 4 полосы, разовый тираж – 60 тыс. экземпляров, периодичность газеты – 312 номеров в год, с выходом 6 раз в неделю) [20]. Тем не менее, в четырёх областях (Вилейской, Барановичской, Брестской и Пинской) местной прессы на польском языке не было вообще. Нехватку таких изданий польское население рассматривало как дискриминацию [9, s. 20].

Отразились на состоянии белорусско-польских отношений и депортации польского населения из Западной Беларуси. 11 октября 1939 г. Л. Берией был подписан Приказ НКВД № 001223 («О введении единой системы оперативного учёта антисоветских элементов, выявляемых агентурной разработкой») [21] и инструкция о режиме депортации антисоветского элемента. Выселению подлежали 12 категорий граждан польской национальности, являвшихся, по определению советской власти, антисоветским, контрреволюционным элементом [22, s. 71].

Первая депортация состоялась 8–10 февраля 1940 г. Она охватила главным образом т. наз. «врагов народа» – лиц, причисленных к классу эксплуататоров. Ей подлежали осадники, военные, крестьяне-кулаки, прибывшие в Западную Беларусь из Польши, лесники, аграрные чиновники. Депортировались целые семьи вместе с детьми [23; 24]. Польский историк Ч. Партач пишет: «По многочисленным сообщениям депортированных поляков, ссылать помогали представители сельсоветов. Информацию о поляках собирали местные белорусы. <...> Они также составляли специальные списки, доставляемые затем советским властям. В составлении этих списков помогала главным образом сельская бедно-

та, подвергшаяся воздействию коммунистической пропаганды» [22, s. 74].

Вторая депортация была проведена 13–15 апреля 1940 г. Она охватила «врагов системы, семьи арестованных поляков, семьи личностей, находившихся за границей СССР, а также интеллигенцию, хозяйственников и общественных деятелей [22, s. 75].

Третья депортация проводилась 20–30 июня 1940 г. На этот раз выселению подлежали беженцы из центральной и западной Польши (главным образом евреи, бежавшие с территорий, оказавшихся под германской оккупацией). Среди депортируемых были также кулаки, всякого рода «спекулянты» (лавочники и ремесленники), а также семьи государственных служащих [22, s. 75].

Четвёртая депортация проводилась с начала июня 1941 г. вплоть до начала войны. Организованный 22 июня вывоз поляков (главным образом из Виленщины) носил черты принудительной эвакуации. Эта депортация стала наиболее драматичной, особенно в её последние дни. Транспорты с депортируемыми приняли на себя удары немецкой авиации [22, s. 76]. По подсчётам Ч. Партача, в общей сложности было депортировано 1,2 млн. поляков [22, s. 76]. Были среди депортируемых представители других национальных групп, в том числе и белорусы. Однако подавляющее большинство принудительно переселяемых в окрестности Архангельска, в Коми АССР, Сибирь, Казахстан составляли поляки.

Депортация их из Западной Беларуси не вызвала какого-либо общественного резонанса в среде белорусов, не стала для них предметом болезненных переживаний. Белорусское население воссоединённых с БССР территорий само переживало болезненный период адаптации к новым условиям жизни, вживания в новую идеологическую, социально-политическую, экономическую и культурную реальность. Ему в лучшем случае не было дела до тех, кто ещё недавно являл собой в Западной Беларуси господствующий социальный слой. У поляков же к этому сформировалось собственное отношение. Теперь уже не только Советскую Россию и русских большевиков, но и белорусов они считали виновниками произошедшей с ними трагедии.

М. Вержбицкий приводит примеры типичной для поляков Западной Беларуси рефлексии: «Машинист О. И. Павлович, поляк. Будучи антисоветски настроенным, сказал, что он с нетерпением ждёт прихода польских властей, вырезает из газет портреты местных работников железной дороги и собирает их до прихода поляков.

Утверждает, что выдаст всех тех, кто хорошо работал на советскую власть. Дочь Ядвига (17 лет) говорила, что будет сама выдавать в руки поляков всех тех, кто стоит на стороне советской власти. <...> Таким псам, как стахановцы, которые хорошо работают на советскую власть, буду сама надевать на шею верёвку и вешать» [9, s. 33].

В одном из докладов разведки из района местечка Острино (Щучинский район) сообщалось: «По информации местного населения в связи с перемещением подразделений Красной Армии польские контрреволюционные элементы распространяют слухи об отходе Красной Армии из Западной Беларуси и угрожают белорусскому и еврейскому населению расправой» [9, s. 34].

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны белорусско-польские отношения в Западной Беларуси носили конфликтный характер. Польский национальный элемент стал объектом репрессивной политики советского государства со всеми вытекающими из этого общественно-политическими, экономическими, идеолого-пропагандистскими и другими следствиями.

Белорусское население воссоединённых с БССР территорий, позитивно воспринявшее освободительный поход Красной Армии и безучастно отнёсшееся к произошедшей с Польшей и польским народом трагедии, стало восприниматься местными поляками крайне негативно. В их глазах именно белорусы стали основными выгодоприобретателями в результате экспроприации советской властью собственности у поляков. Они же активно содействовали в проведении на местном уровне мероприятий по депортации поляков из Западной Беларуси. Всё это вызывало у последних соответствующую эмоционально-психологическую реакцию, ставшую базой для формирования образа врага.

Что же касается восприятия белорусами поляков, негативный их образ, сформировавшийся ещё в дореволюционный период, был осовременен событиями советско-польской войны и опытом пребывания Западной Беларуси в составе Польской республики. Не смогла «восставшая из пепла» Польша стать для белорусов, волею обстоятельств, оказавшихся её гражданами, своим государством. Она к этому и не стремилась. Не стали своими и поляки, ринувшиеся осваивать белорусские земли, доставшиеся им по «праву победителя», превратившие белорусов в дискриминируемое меньшинство, подлежащее полонизации.

Негативное восприятие белорусами и поляками друг друга, комплексы обид, недоверие, характеризовавшие белорусско-польские отношения в канун Великой Отечественной войны, не спо-

собствовали решению задач, связанных с организацией борьбы населения Западной Беларуси с общим врагом – немецко-фашистскими захватчиками – после её начала.

Источники и литература

1. Речь по радио Председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. В. М. Молотова 17 сентября 1939 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://history.wikireading.ru/146632>. – Дата доступа: 20.09.2023.

2. Stobniak-Smogorzewska, J. Kresowe osadnictwo wojskowe, 1920–1945 / J. Stobniak-Smogorzewska. – Warszawa : RYTM, 2003. – 418 s.

3. Яковлева, Е. Польша против СССР 1939–1950 гг. / Е. Яковлева. – М. : Вече, 2007. – 416 с.

4. Bronowicki, M. Deportacja osadników wojskowych w głąb ZSRR [Elektronowy dokument] / M. Bronowicki // Kresowe Stanice. – 2009. – №1 (44). – S. 7–20. – Tryb dostępu : <http://www.osadnicy.org/bronowicki.pdf>. – Data dostępu: 23.09.2023.

5. Версальский мирный договор / полный перевод с фр. подлинника под ред. Ю. В. Ключникова, А. Сабанина ; вступ. ст. Ю. В. Ключникова. – М. : Изд. Литиздата НКВД, 1925. – 198 с.

6. Мирный договор между Россией и Украиной с одной стороны и Польшей с другой, подписанный в Риге 18 марта 1921 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://pswar.rusarchives.ru/mirnyy-dogovor-mezhdu-rossiey-i-ukrainoy-s-odnoy-storony-i-polshey-s-drugoy-podpisanny-v-g-rige>. – Дата доступа: 25.09.2023.

7. Конституция Польской республики (17 марта 1921 года с изменениями по закону 2 августа 1926 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://worldconstitutions.ru/?p=742>. – Дата доступа: 24.09.2023.

8. Лицкевич, О. Концлагерь по-польски Береза-Картузская в воспоминаниях и документах / О. Лицкевич // Беларуская думка. – 2010. – № 3. – С. 78–85.

9. Wierzbicki, M. Stosunki polsko-białoruskie w okresie okupacji sowieckiej ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej (1939–1941) / M. Wierzbicki // Studia z dziejów okupacji sowieckiej (1939–1941) : Obywatele polscy na kresach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką w latach 1939–1941. – Warszawa : Instytut studiów politycznych PAN, 1997. – S. 5–48.

10. Боевой дух советских войск // Правда. – 1939. – 22 сентября (№ 263). – С. 1.
11. В Столбцах // Правда. – 1939. – 23 сентября (№264). – С. 1.
12. Ярошук, Н. Первые дни в Вильно / Н. Ярошук // Правда. – 1939. – 23 сентября (№264). – С. 1.
13. Kwiecień, M. Działalność prometejska i dywersja na Wschodzie (Relacja mjr. Włodzimierza Dąbrowskiego) / M. Kwiecień, G. Mazur // Zeszyty Historyczne, 2002. – Zeszyt 140. – S. 102–116.
14. Кротов, А. М. Образ поляка в делах Гомельского ГПУ – УГБ НКВД БССР 1920–1930-х годов / А. М. Кротов // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2010. – № 6. – С. 136–144.
15. Секретарю обкома КП(б)Б по Барановичской области тов. Туру // Беларуская нацыя : уз’яднанне. Верасень 1939 – чэрвень 1941 г. : зб. дакументаў і матэрыялаў / Аўт.-уклад. У. Ф. Ладысеў. – Мінск : БДУ, 2004. – С. 166–168.
16. Жарина, Л. В. Белорусизация в западных областях БССР в 1939–1941 гг. [Электронный ресурс] / Л. В. Жарина. – Режим доступа : https://vk.com/@belarus_history-belorusizaciya-v-zapadnyh-oblastyah-bssr-v-1939-1941-gg. – Дата доступа: 20.09.2023.
17. Справка о выдвижении и воспитании кадров местного населения по Белостокской области // Беларуская нацыя : уз’яднанне. Верасень 1939 – чэрвень 1941 г. : зб. дакументаў і матэрыялаў / Аўт.-уклад. У. Ф. Ладысеў. – Мінск : БДУ, 2004. – С. 177–182.
18. Протокол заседания Бюро ЦК КП(б)Б №33, п. 4 от 21.10.1940 г. // Беларуская нацыя : уз’яднанне. Верасень 1939 – чэрвень 1941 г. : зб. дакументаў і матэрыялаў / Аўт.-уклад. У. Ф. Ладысеў. – Мінск : БДУ, 2004. – С. 160–166.
19. Выписка из протокола №147 заседания Бюро ЦК КП(б)Б от 27.04.1940 г. // Беларуская нацыя : уз’яднанне. Верасень 1939 – чэрвень 1941 г. : зб. дакументаў і матэрыялаў / Аўт.-уклад. У. Ф. Ладысеў. – Мінск : БДУ, 2004. – С. 170.
20. Протокол заседания Бюро ЦК КП(б)Б №22, п. 2 от 7.09.1940 г. // Беларуская нацыя : уз’яднанне. Верасень 1939 – чэрвень 1941 г. : зб. дакументаў і матэрыялаў / Аўт.-уклад. У. Ф. Ладысеў. – Мінск : БДУ, 2004. – С. 170.
21. Приказ НКВД №001223 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Приказ_НКВД_СССР_№_001223. – Дата доступа: 25.09.2023.

22. Partacz, Cz. Losy Ludności rodzimej na kresach Wschodnich w czasie pierwszej okupacji sowieckiej 1939–1941 / Cz. Partacz // Zbradnie NKWD na obszarze województw wschodnich Rzeczypospolitej Polskiej : materiały I Międzynarodowej Konferencji Naukowej, Koszalin, 14 grudnia 1995. – Koszalin, 1995. – S. 70–77.

23. Информация о проведении операции по выселению семей осадников и лесной стражи по Ошмянскому району // Беларуская нацыя : уз’яднанне. Верасень 1939 – чэрвень 1941 г. : зб. дакументаў і матэрыялаў / Аўт.-уклад. У. Ф. Ладысеў. – Мінск : БДУ, 2004. – С. 189–191.

24. Постановление Бюро Белостокского обкома КП(б)Б «Мероприятия по выселению осадников и лесной сторожевой охраны» // Беларуская нацыя : уз’яднанне. Верасень 1939 – чэрвень 1941 г. : зб. дакументаў і матэрыялаў / Аўт.-уклад. У. Ф. Ладысеў. – Мінск : БДУ, 2004. – С. 192–193

УДК 271.22(476.25)«19»

І. А. Грышчанка, С. А. Юрыс

Гомельскі дзяржаўны
тэхнічны ўніверсітэт імя П. В. Сухого, г. Гомель

АДНАЎЛЕННЕ ДЗЕЙНАСЦІ МІКАЛАЕЎСКАЙ ЦАРКВЫ Ў ГОРАДЗЕ ГОМЕЛІ Ў ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ І АФАРМЛЕННЕ ПРЫХОДУ

У прадстаўленым артыкуле разглядаецца палітыка акупацыйных улад у адносінах да Рускай Праваслаўнай Царквы ў гады Вялікай Айчыннай вайны. На аснове існуючых архіўных дадзеных апісваецца працэс аднаўлення дзейнасці Мікалаеўскай царквы ў Гомелі, аднаўленне тут прыходу. Прасочаны лёс Мікалаеўскай царквы ў першыя пасляваенныя гады, паказаны ўзаемаадносіны мясцовага духавенства і вернікаў з органамі дзяржаўнай улады.

Гомель быў захоплены нямецка-фашыстскімі войскамі 19 жніўня 1941 г. Акупацыйныя ўлады ў прапагандысцкіх мэтах дазволілі адкрываць цэрквы, іх лаяльнасць да Праваслаўнай царквы была прадыхавана тактычнымі меркаваннямі: схіліць мясцовае насельніцтва на свой бок і выкарыстаць патэнцыял Царквы ў прапа-